

Человек из прошлого

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– Вы считаете, что торжество торговли способно уничтожить такую древнюю культуру?

– Способно. Катастрофа именно в этом, а не в революциях и войнах. Ваш порывистый президент захотел бомбить Грузию, в этом для нее мог быть выход из ужасной ситуации – это могло бы встряхнуть людей. В свое время введение советских танков в Прагу сделало из чехов народ. Пражская весна вполне могла бы привести к созданию мешанского болота, а тут – внешний враг. Какой подарок!

– Что значит для вас занятие кино?

– Для меня это инструмент самовыражения, который, к счастью, еще пользуется спросом. Пока на свете есть люди, близкие мне по духу, обращение к ним имеет смысл. Это акт общения, кто-то, посмотрев мой фильм, скажет: «Я тоже так думаю!» Это помогает существовать. Но мы находимся на грани очень большой опасности – исчезновения общения при помощи моего ремесла. Оно превратилось в способ зарабатывания денег, кино может полностью оказаться в руках коррумпированных людей. Советский кинематограф кишмя кишел коррумпированными режиссерами, о Голливуде я не говорю. Кино перестает быть камерной музыкой, оно превращается в доходное дело. Оба занятия могли бы сосуществовать, но дело в том, что стоят они одинаково дорого.

– Многие наши кинематографисты в качестве желанной говорят о французской кино-модели: часть денег, полученных от проката американских фильмов, отчисляется в фонд, благодаря которому снимается некоммерческое кино.

– Для того чтобы получить эти отчисления, надо отравить разум всей молодежи американским кино, на которое она и будет продолжать ходить. А одинокий художник сделает фильм для трех человек, который потом объявят национальным достоянием. У меня нет готового рецепта. Но я понимаю, что попытки Михалкова превратить «Мосфильм» в Голливуд априори обречены на провал. Это игра не на своем поле. Мы не перегнали Америку ни по мясу, ни по кукурузе, ни по кино. Не стоит соревноваться в мерзости.

– Вы возите свои работы в Грузию?

– Конечно. В Тбилиси, городе с населением два миллиона чело-

век, сегодня два (!) кинотеатра. Недавно я был в маленьком городе на юге Франции, там на пятнадцать тысяч жителей шесть кинотеатров. Что тут можно сказать? К тому же в Тбилиси билет в эти два кинотеатра стоит пять долларов, туда могут пойти богачи и их дети. Какое значение имеет, что я привез свой фильм?

– Вы могли бы сейчас постоянно жить в Грузии?

– Там можно только доживать. Пока есть порох в пороховницах, лучше работать и делать такое же кино, которое я делал бы и в Грузии.

– А что такое для вас Франция?

– Я никак не могу ее квалифицировать. Я стараюсь не иметь там контактов с моими коллегами, потому что они совершенно по-другому воспитаны, у них буквально на все совершенно другие взгляды. У нас нет общего прошлого, общих воспоминаний, поэтому, что бы они мне ни рассказывали – мне просто любопытно, что бы я ни рассказывал им – это не может вызвать ничего, кроме любопытства. Это исключает меня из среды. Есть, конечно, по-человечески симпатичные люди, но все ограничивается улыбками и похлопыванием по плечу. Мы с вами разговариваем – вам все понятно. Если я то же самое буду рассказывать французу, он мне задаст сто пятьдесят уточняющих вопросов.

– То есть во Франции вы существуете изолированно?

– Абсолютно. Я приезжаю туда, делаю картину и уезжаю обратно в Грузию. С Францией связан еще вот какой момент. Когда мы жили в Советском Союзе, ее культура была для нас очень важной. Я знаю Вольтера, Руссо, обожаю Дюма, терпеть не могу Гюго и готов объяснить, почему. Знаю Золя, Мопассана, Пруста и т.д. Я приехал в страну, которой уже нет. Я оказался в роли дедушки. Как-то мы побеседовали с одним известным продюсером, который в свое время стоял во главе студии «Gaumont», после этого он сказал моему приятелю: «Этот человек из далекого прошлого». Той Франции, которую я знал по книгам и которую себе нафантазировал, уже не было.

– Вы можете себя назвать пессимистом?

– Пессимист даже пальчиком не пошевелит. Если человек работает, значит, у него есть надежда. ■